
Злата Золотарёва
Цена богатой жизни

Злата Золотарёва

Цена богатой жизни

https://litres.ru/74739279
SelfPub; 2026

Аннотация

«Хорошего вечера» — два слова, которыми Марина однажды закончила видеозвонок, где муж сидел в ресторане с чужой женщиной на коленях. Вадим расценил это как разрешение.

Девятнадцать лет брака, дом, дочь, карта без лимита — и беременная любовница с чемоданом на пороге, которую муж спокойно селит в гостевой. Когда Марина отказывается играть роль «лица дома» при живом «сервисе», она теряет всё разом: карту блокируют, машину забирают, а дочь муж оставляет себе — «у реальности есть дом, школа и стабильный счёт, у тебя пока есть обида».

Из особняка Марина переезжает в комнату над чужим салоном и впервые за годы начинает считать. Не деньги — факты. И оказывается, что у красивой чужой жизни есть документы, переписки и очень конкретная цена.

История о женщине, которую вычеркнули одним голосом, — и которая решила ответить не истерикой, а папкой с доказательствами. О том, как дорого стоит богатая жизнь и сколько стоит из неё выйти.

Злата Золотарёва
Цена богатой жизни

Цена богатой жизни
Злата Золотарёва

ГЛАВА 1
Хорошего вечера

В тот майский понедельник я сидела дома у открытой двери на террасу с бокалом вина, когда Вадим позвонил по видео — и я увидела Алёну у него на коленях.

— Дорогая, сегодня меня не жди.

Наверное, ткнул не туда: обычно его вечерние отчёты обходились без картинки. На этот раз — полный комплект. Расстёгнутый ворот, спинка ресторанного дивана, её рука на его шее. Тонкий браслет я узнала: в апреле Вадим спросил, что подарить сотруднице за удачный проект, и я сама выбрала эту цепочку.

— Ты с Алёной? — спросила я.

— Да, — ответил Вадим.

Даже руку не убрал. Алёна потянулась куда-то за край экрана, но вставать не стала.

— Скажи ей, пусть с утра тебе рубашку погладит.

Муж усмехнулся. Он любил моё чувство юмора. Особен-

но когда с его помощью можно было ничего не объяснять.

Я сидела у открытой двери на террасу. В большом бокале вина было на два глотка, а места в доме оставалось ещё метров триста. Когда-то я сама выбирала каждый светильник. Теперь по вечерам включала только лампу рядом с креслом. За электричество переживала? Конечно нет. Просто остальное мне было незачем освещать.

— Хорошего вечера.

Я отключила звонок и допила вино.

Вино стоило примерно столько, сколько моя знакомая платила за месяц кружка для дочери. Я знала эту сумму, потому что однажды посоветовала ей перестать экономить на ребёнке. Она тогда посмотрела на меня так, что мы до сих пор поздравляли друг друга только с Новым годом.

Девятнадцать лет брака, шестнадцатилетняя дочь, двенадцать лет без работы. До рождения Сони я была администратором в маленькой мебельной компании. Когда Соне исполнилось два, вернулась из декрета, выдержала два года и ушла. Вадим уже хорошо зарабатывал, Соня часто болела обычными детсадовскими простудами, а я устала слушать, что нормальный муж не заставляет жену мотаться по пробкам.

Меня не заставляли. Предложили удобный выход. Я согласилась с такой скоростью, что даже заявление приготовила заранее.

Потом были хороший дом, поездки, машина, маникюр

днём в среду. Люди вроде меня говорят «я занималась семьёй», когда не хотят уточнять, что делали с десяти утра до трёх. Я занималась и семьёй тоже. Только семья росла, а я всё чаще выбирала новые полотенца.

Первую любовницу я обнаружила семь лет назад. Вадим тогда испугался. Купил серьги, обещал, что больше так не будет. Я плакала, он держал меня за плечи и говорил, что никому меня не отдаст. Мы поехали в Италию. В аэропорту я сама попросила сфотографировать нас у стойки. Очень счастливая пара получилась.

Со второй мы обошлись без слёз. Я показала ему сообщение, он спросил, зачем я беру чужой телефон. Потом заменил мне машину. Я возмутилась, что он покупает прощение. Ключи забрала.

У третьей было неприятное имя, которое я заставила себя забыть. Или это была четвёртая.

Алёна появилась прошлой осенью. Сначала как девушка из отдела закупок. Потом как причина, по которой Вадим стал реже есть дома. Её имя возникало в разговорах слишком часто, затем исчезло совсем. Тут уже и выяснять было нечего.

Я давно хотела, чтобы всё закончилось. Вот только слово «всё» старательно обходила. Пусть заканчиваются любовницы. Пусть заканчивается необходимость улыбаться за ужином. Дом, поездки и карту без ежедневного подсчёта трат хотелось оставить.

Из кухни вышла Соня с контейнером винограда.

— Папа опять не придёт? — спросила Соня.

— У него дела.

— Мам, мне шестнадцать.

— А мне тридцать восемь. С возрастом дела не исчезают.

Она взяла пульт от штор, опустила ближайшую штору и села на подлокотник. На белом носке у неё была нарисована клубника. Я помнила, как покупала эти носки сразу тремя упаковками: боялась, что любимые кончатся. Вот с чего у нас начинался достаток. С возможности не бояться последней пары.

— Завтра оплатишь поездку? — спросила Соня.

— Какую? — спросила я.

— Я тебе кидала. С классом. Там бронь до обеда.

— Скинь ещё раз.

Она переслала сообщение. Семнадцать тысяч восемьсот. Я открыла приложение, выбрала получателя и на секунду увидела в списке переводов свою старую зарплатную карту. На ней лежало двадцать три тысячи четыреста рублей. Забытый остаток моих денег. Остальными я пользовалась с разрешения мужа, которое мы оба называли доверием.

— Ты чего? — спросила Соня.

— Читаю реквизиты.

— Там по ссылке.

— Вижу.

Оплатила с семейной карты. Соня поцеловала меня в ма-

кушку, оставила виноград и ушла наверх.

На тарелке под контейнером лежал ценник от свечи. Шесть тысяч двести рублей за запах мокрых листьев. Я купила её утром, потому что не хотела возвращаться в пустой дом сразу после косметолога. Продавец сказала, что аромат создаёт ощущение защищённости.

Я зажгла свечу.

Пахло дорогой сырой тряпкой.

В половине одиннадцатого Вадим прислал фотографию счёта. Случайно — видимо, хотел Алёне. Через несколько секунд удалил. Я успела заметить бутылку того самого вина, которое пила сама. Жаль, скидку за семейный заказ ресторан не предложил.

Я написала: «Соне оплатили поездку».

«Хорошо».

Никаких сердечек. Я их больше и не ждала. Мы давно переписывались как два сотрудника, один из которых отвечает за расходы, а другой иногда приезжает к нему домой.

Наверху хлопнула дверь ванной. Соня включила музыку. Вадим прислал ещё сообщение.

«Надо кое-что обсудить. Завтра утром».

Я набрала: «Опять машина?» Машину он менял всякий раз, когда разговор становился неприятным. Это было удобно: у нас могли бы развестись двигатели, а мы бы продолжили жить.

Ответа не было.

Я поднялась в спальню, сняла серьги, которые он подарил после первой измены. Одну положила мимо блюдца. Она укатилась под комод. Я встала на колени, сунула руку в пыль и подумала, что горничная в четверг опять не подвигала мебель.

Из-под комода достала серьгу, старую резинку Сони и мелкую батарейку. Я распоряжалась домом, но не знала, какие батарейки лежат под моей кроватью. Зато могла по запаху определить, не сменили ли нам средство для каменного пола.

Телефон на тумбочке завибрировал.

Вадим: «Приготовь гостевую».

Я прочитала два раза. Подумала о его партнёре, который иногда оставался ночевать после позднего ужина. О мастере, который должен был приехать чинить котёл. О ком угодно, кроме девушки с браслетом на руке.

Написала: «Для кого?»

Он уже вышел из сети.

Я открыла шкаф с бельём и достала белый комплект. Потом положила обратно. Села на пуфик напротив шкафа и стала ждать, когда взрослый мужчина соизволит договорить предложение.

Позже, уже в темноте террасы, я ещё раз прокрутила его «да» про Алёну. Короткое слово. Длинный обвал. В бокале остался тёплый след пальцев — единственное, что ещё принадлежало вечеру по-настоящему.

ГЛАВА 2

Вы не Алёна

Наутро Вадим в офис не заехал. В семь написал, что сразу туда поедет. Я ответила вопросительным знаком. Он прислал: «Вечером».

* * *

В полдень позвонили в дверь.

На крыльце стояла брюнетка. Короткие волосы, две заколки, родинка на носу. Светлое платье под расстёгнутым плащом плотно обтягивало живот. У ног синий чемодан. Это была не Алёна. И от этого почему-то стало ещё хуже.

— Я беременна от вашего мужа, — проговорила она.

Я захлопнула дверь.

— Как же вы зае…ли! — бросила я.

Сказала это двери. Она за девятнадцать лет брака единственная не требовала от меня понимания.

За дверью стало тихо. Потом короткий звонок. Я посмотрела в камеру домофона. Девушка держалась за ручку чемодана и говорила в телефон:

— Да, я приехала. Она дверь закрыла.

Я открыла снова.

— Вы не Алёна.

— Кристина, — представилась она. — Он просит трубку.

Телефон в моём кармане завибрировал раньше, чем она успела протянуть свой.

— Дай ей зайти, — сказал Вадим. — Человек беременный.

— У тебя там очередь? Мне номера выдавать? — спросила я.

— Не начинай. Пусти.

Я отступила. Кристина втащила чемодан через планку. На паркете осталась полоска грязной воды.

— Вошла, — сказала я в трубку. — Дальше?

— В гостевую. Временно. До родов будет здесь, потом решим.

— А Алёна где будет до родов? Или у неё другой график?

Он замолчал на секунду слишком длинную для человека без второго адреса.

— Это сейчас не касается.

— Касается. Потому что вчера на твоих коленях сидела другая.

— Марин, будь человеком.

— Ты ей сказал, что здесь живёт жена? — спросила я.

— Она знает, что у меня семья.

— Это не мой вопрос.

— Вечером поговорим. Ничего сгоряча не решай.

Я отключила. Кристина стояла у банкетки, на которой ещё вчера лежал белый комплект белья. Я так и не постелила.

— Он сказал, вы знаете, — напомнила Кристина.

— Как удобно он распорядился моим днём.

— Я могу подождать в кафе.

— Можете. Он к семи не приедет. В восемь спросит, почему мы не поели без него.

Она прикусила губу. На рукаве платья остался след тонального крема.

— Я не знала, что вы… вместе.

Я показала на тапки у лестницы. Мужские, сорок четвёртый, с продавленной пяткой.

— Это музейный экспонат? Он в них вчера завтракал.

Кристина достала телефон, быстро прокрутила переписку и остановилась. Читать мне не дала.

— Какой срок? — спросила я.

— Двадцать две недели.

— Двадцать две недели.

— Договор до конца месяца. Он сказал не платить за следующий. Что всё подготовил.

Я повернула к ней экран со словами «Приготовь гостевую».

— Подготовил.

На кухне налила воды в два стакана. Один поставила перед ней. Плащ она сняла и повесила на спинку стула.

— Вы работаете? — спросила я.

— Пока нет. Он сказал, что оставаться на прежнем месте будет… неправильно, — ответила Кристина.

— Уже неправильно? Быстро растёте.

Она обхватила стакан обеими руками.

— Можете говорить что хотите. Я приехала не ругаться.

— Вы приехали ко мне жить. С руганью было бы скромнее.

Внизу щёлкнул замок. Соня вернулась раньше: последние занятия отменили. Бросила рюкзак и замерла у кухни.

— Здравствуйте, — поздоровалась Соня.

— Здравствуй. Я Кристина.

— Я знаю. Папа написал.

Я посмотрела на Соню. Дочь уже знала раньше меня. Или почти раньше.

— А моя комната останется? — спросила Соня.

— Твою комнату никто не трогает.

— Хорошо.

Она поднялась наверх. Ни хлопка, ни скандала. Мне хотелось, чтобы хотя бы один человек в этом доме возмутился вместо меня.

К семи Вадим не приехал. В восемь написал, чтобы не ждали с ужином. Кристина сидела в гостевой на незастеленной кровати. Я принесла ей только полотенце. Постелить бельё значило бы согласиться, что так и надо. Я не стала.

Вадим вернулся в половине десятого. Поцеловал Соню в макушку, протянул мне коробку эклеров.

— Обсудим спокойно? — спросил он.

Я не взяла коробку.

— Давай начнём с твоего адреса.

— В смысле? — спросил Вадим.

— Ты здесь живёшь или я зря тапки берегу?

Он устало потёр переносицу. Этот жест я знала: теперь моя очередь перестать осложнять ему жизнь.

Поздно ночью я стояла у двери гостевой и слушала, как Кристина тихо разговаривает по телефону. Голос у неё был другой — моложе, испуганный. «Нет. Пока не звони. Он должен быть уверен», — проговорила она. Потом тише: «Я сама».

Я отошла, не открывая дверь. Впервые за сутки мне стало не только противно. Мне стало интересно в самом хищном смысле этого слова.

ГЛАВА 3

Соня останется

Тем же вечером на кухне Вадим сидел напротив меня, будто обсуждали ремонт, а не то, кого оставить в доме. Из коридора слышно было, как дышит Кристина. На лестнице скрипнула ступенька — Соня.

— У меня будет ребёнок, Марин.

Вадим поставил эклеры на стол. На коробке остался влажный отпечаток пальца.

— Слышала. Мать ребёнка отлично справилась с объявлением.

— Значит, понимаешь: я не могу её бросить.

— Квартиру снять можешь?

— Могу. Но ей нужна помощь. Она совсем одна.

— И ты решил обеспечить её мной.

Он отодвинул стул и сел. Галстук сунул в карман. Домой вернулся, можно расслабиться.

— Тут место есть. Тебе уезжать никуда не надо. Всё останется как было.

— Только ещё одна женщина и ребёнок.

— Ты же сама сказала: хорошего вечера. Я тебя за язык не тянул.

Я подцепила ногтем ленту на коробке.

— Это было разрешение поселить её в доме? — спросила я.

— Это было нормальное отношение взрослых. Мы давно всё понимаем. Не изображай обманутую девочку.

Вот этого я и боялась. Он произнёс мою правду первым и размахивал ею, как квитанцией.

Я знала про Алёну. Получала удовольствие от жизни, которую оплачивал Вадим. Не разводилась. Не делала попыток заработать. Ходила на ужины и отвечала, что у нас всё хорошо. Я слишком часто молчала. Теперь он предъявлял молчание как договор.

— Я не девочка. Поэтому ты сейчас поедешь выбирать ей квартиру.

— Сегодня она останется здесь. Завтра решим.

— Ты вчера тоже сказал «завтра».

— Не дави на меня.

Из коридора донёсся голос Кристины:

— Я слышу.

Она стояла в дверях босиком, с моим полотенцем.

— Вы сказали, Марина не возражает, — сказала Кристина.

— Марина не возражала, пока ты не приехала, — ответил Вадим.

— Удобное уточнение.

Кристина смотрела только на него.

— Вы говорили, что живёте каждый своей жизнью. И осталось оформить бумаги.

— Мы сейчас не будем это обсуждать при ребёнке.

Я обернулась. На лестнице сидела Соня.

— Ребёнок уже всё прочитал по лицам, — сказала дочь. — Пап, ты разводишься?

— Мы с мамой разберёмся.

— То есть нет.

Вадим открыл холодильник и спросил, что у нас поесть. Я рассмеялась коротко, с всхлипом. Муж посмотрел с раздражением.

— Можно без представления? Я весь день на ногах.

— Курица на средней полке. Духовка включается от кнопки. Не от женской любви, — ответила я колко.

Я поднялась. Не стала собирать вещи сразу. Сняла брюки, повесила на плечики, надела домашний комплект. Даже скандал хотелось пережить без заломов на дорогой ткани.

Соня пришла через десять минут. Поставила на комод два эклера.

— Ты не ела.

— А ты теперь курьер? — спросила я.

Она убрала руку от тарелки.

— Я просто принесла.

— Прости, — ответила я.

Мы сели на кровать. Дочь откусила эклер, крем вылез сбоку. Я протянула салфетку.

— Ты уйдёшь? — спросила Соня.

— Не знаю.

— Если уйдёшь, я останусь.

— С ним? — спросила я.

— Здесь. У меня школа. Комната. Мне не хочется жить непонятно где, потому что у вас…

Она не закончила. Правильно: я бы не выдержала названия.

— Здесь будет жить папина любовница.

— Она не ко мне приехала.

— Ты правда так можешь?

Соня отложила эклер.

— Ты же можешь.

Я смотрела на крошки у её коленки. Хотелось схватить за плечи и перечислить, сколько всего я для неё делала. Первым в списке оказался бы оплаченный классный выезд. Не лучшее начало.

— Мне казалось, у нас семья.

— И мне казалось. Папа дома, ты дома. Разве ты не знала?

— спросила Соня.

Я молчала.

— Ну вот. Значит, можно. Я тоже так смогу. Зато жить нормально.

Она говорила серьёзно и чуть виновато. Я столько лет показывала, как выглядит нормальная жизнь. Теперь она пересказывала урок.

— С кем сможешь? — спросила я.

— Не знаю. В будущем. Если человек всё даёт… Мам, ты сама говорила: все мужики одинаковые, лучше хоть не в однушке плакать.

Говорила. В салоне. Над бокалом. Особенно уверенно после новой сумки.

— Это была глупость.

— А звучало как совет.

Она встала.

— Можно я просто останусь дома? — спросила Соня.

— Можно, — ответила я.

Слово далось с трудом. Я хотела ответить, что порядочная дочь должна поддерживать мать. Но дочь не была моим штрафом Вадиму.

* * *

Ночью он постучал в спальню с подушкой под мышкой.

— Я в кабинет. Чтобы без лишнего.

— Не потеряйся в собственном доме.

— Ты думаешь, мне легко?

— Нет. Ты же целый день на ногах.

* * *

Наутро на кухне стояли три чашки. Соня пила какао. Вадим делал кофе. Кристина стояла у окна с крекером: с утра мутило.

Я поставила на пол пустой чемодан.

— Я уезжаю.

Вадим долго смотрел на чемодан, потом на дочь.

— Ты уже и ребёнку успела рассказать? — спросил Вадим.

— Я здесь стою.

Я подняла глаза на дочь.

— Я хочу, чтобы ты поехала со мной. Есть где остановиться.

Вадим снял часы, положил на стол стеклом вверх.

— Иди, — сказал он. — Соня останется.

Когда Вадим произнёс «Соня останется», я впервые за это утро увидела, как он улыбнулся. Не широко. Устало и победно. Улыбка человека, который знает, где у тебя самое тонкое место, и уже поставил туда локоть.

— Ты не можешь решать за неё.

— Я и не решаю. Я просто описываю реальность. У реальности есть дом, школа и стабильный счёт. У тебя пока есть обида.

Я записала в телефоне время разговора с юристом и сразу поставила напоминание. Раньше напоминания ставил он —

«не забудь рубашку», «не забудь улыбнуться». Теперь напоминания были моими.

ГЛАВА 4

Ноль

Слова «Соня останется» ещё висели в воздухе, когда Вадим достал телефон и начал звонить «решать вопрос». Из кабинета пахло его парфюмом и моим страхом.

Вадим опирался ладонью о стол, будто держал совещание.

— Тогда спроси её.

— Сейчас не надо выбирать, — сказала я Соне. — Я просто предложила.

— А куда ехать? — спросила Соня.

— К Оксане. У неё есть угол. Потом разберусь.

— То есть ты даже не знаешь.

— Знаю адрес. Знаю, что там можно переночевать.

— У нас тоже есть комнаты, — вмешался Вадим. — Зачем ей ехать неизвестно куда?

— Не начинай за неё отвечать.

— Это ты предлагаешь ребёнку собрать вещи из-за своей обиды.

Соня остановилась в дверях кабинета.

— Я пока никуда не поеду. У меня сегодня школа, в четверг зачёт, в комнате всё. Я не хочу, — сказала Соня.

Я кивнула слишком быстро.

— Хорошо, — ответила я.

— Не надо так говорить, — сказала Соня.

— Как? — спросила я.

— Будто я плохая.

— Ты не плохая.

— Я не выбираю папу. Я просто не хочу это всё прямо сейчас, — сказала Соня.

Вадим кивнул удовлетворённо и велел ей подняться. В кабинете закрыл дверь.

— Ты понимаешь, что делаешь с Соней? — спросила я.

— Я? А по-твоему, во всём виноват я один? — спросил Вадим.

— Я никого не заставляю уходить. Хочешь жить — живи. Только без этого театра.

— Без чего? Без способности различать женщин?

— Без бесконечных претензий. Ты всё знала.

— Про измены знала. Про это узнала вчера, — сказала я.

— И тебя устраивало.

— Тебя устраивало, что я молчу.

— Ты сказала «хорошего вечера». Я ещё должен был разрешения спросить, чтобы поужинать?

Он достал телефон, глянул в экран и убрал.

— Давай по делу. У меня дом, деньги, адвокаты. Думаешь, она выберет тебя? — спросил Вадим.

— Ей шестнадцать. Это не стул, который ты купил, — ответила я.

— Вот именно. Своей головой думает. А ты ей предло-

жишь считать деньги на обед. Зачем? Чтобы показать, какая ты гордая?

Он умел перечислять неудобства так, что они начинали выглядеть преступлениями.

Я вышла собирать вещи. Одну большую сумку и чемодан. Паспорт, украшения, ноутбук. Документы о доме сфотографировала, оригиналы не трогала. Дом куплен в браке, хоть оформлен на него. Что с этим делать — узнаю позже. Сегодня мне не нужно было проигрывать ещё и бумагу.

Звонила Оксане по дороге вниз.

— Мне нужен угол. На несколько дней. Я заплачу, как скажешь.

— Приезжай, — сказала Оксана. — Ключ у администратора. Потом разберёмся.

Когда я спустилась с вещами, Вадим стоял у окна с телефоном.

— Твоя карта мне в новой жизни не понадобится, — сказала я.

Я достала дополнительную карту и положила на стол.

— Это пластик, — сказал он. — Я её уже закрыл.

Соня остановилась у кухонной двери.

— Зачем? — спросила я.

— Мама решила жить сама. Я никого не выгоняю, — сказал Вадим.

Он повернул экран: карта заблокирована. Я узнала последние четыре цифры.

— От семьи она отказалась сама, — сказал Вадим и протянул руку. — Ключи от машины.

— Я вожу её три года.

— Водила. Пока была частью семьи.

Соня стояла неподвижно. Мне хотелось всё бросить, обнять её и вернуться наверх. Он ждал именно этого. Я подняла ручку чемодана.

— Адрес у тебя есть. Можешь писать.

Дочь кивнула, но не подошла.

* * *

На улице я открыла приложение такси. С собственной карты — той самой, где двадцать три тысячи. Хватит на неделю, если не дышать. Охранник у ворот спросил, помочь ли. Я покачала головой.

У Оксаны забрала ключ от комнаты над салоном: узкая, с запахом краски и чужим пледом. Поставила чемодан у стены. Написала Соне: «Доехала».

Сообщение прочитано. Ответа не было.

* * *

Через час я набрала её. Соня взяла на третьем гудке.

— Я сообщения вижу. Не надо ещё и звонить постоянно, — бросила Соня.

— Я только хотела спросить, как ты.

— Как человек, от которого взяли и ушли.

За её спиной слышался Вадим:

— Не расстраивайся. Мама сама решила.

Я сжала телефон.

— Я ушла от папы. Не от тебя.

— Я поняла. Мне надо делать уроки, — сказала Соня.

Она отключилась.

* * *

Вечером я попыталась снять деньги в банкомате у дома. Дополнительная карта не отвечала. Собственная выдала пять тысяч лимита на снятие. На экране банка всплыло уведомление: «Операция отклонена. Обратитесь к держателю основного счёта». Вадим успел закрыть и привязанный лимит, о котором я не думала годами.

Я стояла у стекла банкомата с пустой рукой и поняла простую вещь: богатая жизнь кончилась в ту секунду, когда я перестала быть удобной.

* * *

На третий день Соня прислала стикер. Без текста. Я ответила вопросом. Она не ответила. Зато в сторис выложила новые наушники. Подпись: «Папа лучший».

Я бросила телефон так резко, что треснула плёнка.

* * *

На второй день без машины я опоздала на смену. Бежала через лужу в туфлях, которые покупала к ресторану. Администратор из меня вышел честный: я улыбалась клиенткам так, будто у меня не отняли жизнь, а просто сменили график.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.